

Л. И. Климович

КНИГА
○
КОРАНЕ
ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИИ
И МИФОЛОГИИ

Москва
Издательство
политической
литературы
1988

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1	3
КОРАН И РАННИЙ ИСЛАМ	—
«Книга книг» ислама	4
Истоки ислама и пророки в Аравии	8
Медина. Гонимые и гонители	25
Халифат и завоевания арабов	39
Глава 2	61
СОСТАВЛЕНИЕ, ИЗУЧЕНИЕ И ПЕРЕВОДЫ КОРАНА	—
Собирание и составление Корана	62
О догмате несотворенности Корана	83
Изучение, издания и переводы Корана	97
Глава 3	147
МИРОВОЗЗРЕНИЕ КОРАНА	—
Аллах — бог Корана	148
Коран о Вселенной, Земле, флоре и фауне	171
История человечества по Корану. Фантастика и действительность	192
Коран и социальные проблемы	251
УКАЗАТЕЛИ	271
Указатель имен	272
Предметный указатель	281

Климович Л. И.

К49 Книга о Коране, его происхождении и мифологии. — 2-е изд., доп. — М.: Политиздат, 1988. — 286 с. ISBN 5-250-00021-5

Книга рассказывает о том, что представляет собой «священное писание» ислама, которое, по мусульманским представлениям, было продиктовано самим Аллахом. Автор с марксистско-ленинских позиций анализирует происхождение, содержание, а также историю изучения и переводов на другие языки этого религиозного памятника древне-арабской литературы. Выявляя исторические корни догм и законоустановлений Корана, он уделяет особое внимание социальной роли предписаний этой священной для мусульман книги в прошлом и новейшим их истолкованиям.

Рассчитана на пропагандистов, преподавателей и студентов высших и средних специальных учебных заведений и всех интересующихся проблемами атеизма.

К 040300000—133
079(02)—88 Заказ «Союзкниги»

ББК 86.38

Собирание и составление Корана

Из учений и взглядов, возникших в период пророческих движений, имевших место в Аравии в первой половине VII века, до нас в наибольшей мере дошли лишь те, что проповедовались ханифами-мусульманами в Мекке и Медине. Они получили отражение в Коране, книге, составление которой стало возможным и даже, не будет преувеличением сказать, государственно и общественно важным после образования в Медине Арабского халифата (632) и начатых им широких завоевательных войн.

Уже при первых халифах арабы во время завоеваний столкнулись не только с военными силами своих противников, но и с развитыми культурами Ирана, Византии и других стран, которые имели сложившиеся феодальные формы государственного управления и правовые нормы, регулировавшие их общественную жизнь. Когда эти области стали подвластны Халифату, возникла необходимость создать в них подчиненный арабам административный аппарат и выработать соответствующие юридические нормы. Нужно было подчинить определенному распорядку и жизнь самих арабов во всех областях Аравии, в том числе в тех, где, как показал учиненный в первые годы Халифата разгром последователей пророков Мусейлимы, Асвада, Тулейхи, существовали сильные сепаратистские тенденции. Беспокоила халифов, по видимому, и необходимость не допустить растворения арабов среди завоевываемого ими населения за пределами Аравии, где они стали подвергаться все более сильному влиянию местного населения; не только перенимать их военные достижения (что, как правило, было выгодно завоевателям), но и знать и тем более учитывать их языки, обычаи, верования, правовые установления, культурные навыки, взгляды.

Поскольку официальной идеологией Халифата стал ислам, с ним должны были быть согласованы как новые, так и старые правоустановления, вернее, те из них, которые сохранялись и приспособлялись к нуждам араб-

ского государства. В силу таких практических требований стали разрабатываться нормы мусульманского права, создаваться богослужебные руководства, закладываться основы будущей литературы ислама, его священных книг. Самой ранней из них явился Коран, в своем содержании еще почти целиком связанный с Аравией. Корану-книге предшествовали и сопутствовали записи законодательного и богослужебного значения, существовавшие частью, как можно судить по преданию, уже при первых халифах. Некоторые из них восходили к аналогичным записям проповедников раннего ислама или ханифизма в Мекке и Медине. Таким записям — «чтениям» — придавалось значение руководства, хотя тексты разных записей не были согласованы и, как отмечают предания, по одним и тем же вопросам в них имелись противоречия. С распространением ислама и власти халифов на большой территории наличие противоречивых записей могло дать повод к отклонениям в богослужебной и законодательной практике, привести к нежелаемым для центральной власти осложнениям. Поэтому возникла необходимость устранить разноречивые списки и составить единый свод записей, придав ему характер восходящего к Аллаху канонического писания — Корана.

О большом значении, которое придавалось составлению такого свода, можно судить по тому, что этим делом руководили представители правящих кругов во главе с халифом. Согласно преданиям мусульман-суннитов, первым инициатором составления откровений Аллаха, передававшихся покойным пророком Мухаммедом, был купец, а затем один из энергичных руководителей мединского объединения мусульман — халиф (с 634 г.) Омар ибн аль-Хаттаб, посоветовавший своему предшественнику халифу Абу Бекру дать по этому поводу соответствующее распоряжение. Абу Бекр согласился и поручил это дело 22-летнему мединцу Зейду ибн Сабиту, в последние годы жизни пророка Мухаммеда состоявшему при нем в качестве писца.

Выполняя поручение халифа, Зейд, судя по преданию, собрал и сличил разрозненные записи, делавшиеся им и другими лицами на плоских костях, камнях, коже, пальмовых листьях, на всем, что использовалось тогда для письма. Кроме того, он стал записывать рассказы современников Мухаммеда, тех, кто помнил, сохранил в

своей памяти «откровения Аллаха». Всё это, заново просмотренное Зейдом и переписанное на отдельных листах — ас-сухуф, составило первую редакцию Корана, которая поступила в распоряжение руководства Халифата при халифах Абу Бекре и Омаре, но не переписывалась, не размножалась.

В условиях происходившей в Халифате политической борьбы слух о составлении Зейдом по поручению халифа Абу Бекра некоего «чтения», Корана, в основу которого кладутся записи «откровений Аллаха», вызвал, очевидно, появление и других подобных записей и списков. Однако тексты этих записей, как оказалось, не всегда совпадали. Они расходились между собой и с собранными Зейдом как по составу, числу и последовательности глав, так и по существу, по смыслу и полноте входящих в них сообщений. Поскольку распространение среди мусульман, живших на обширной территории, разноречивых списков — «чтений», которым придавалось религиозное и законодательное значение, могло быть чревато немалыми неприятностями, в политических интересах Халифата решено было заменить их одним списком, устраивавшим господствующие круги.

Подготовка такого списка оказалась непростым делом, вызывавшим осложнения и в без того напряженной общественно-политической обстановке раннего Халифата. Тогда, через несколько лет после убийства иранским рабом халифа Омара (644), новый халиф Осман ибн аль-Аффан решил заглушить разгоревшиеся споры вокруг разноречивых текстов «откровений Аллаха», приняв вместо них единый официальный текст «священной книги». С этим предложением Осман, происходивший из богатого и влиятельного курейшитского рода омейядов, обратился к тому же Зейду ибн Сабиту. Ему и работавшим под его началом помощникам из числа бывших сахабов — соратников пророка Мухаммеда — было поручено подготовить требовавшийся единый текст. Для этого прежде всего были отобраны все записи «откровений Аллаха», имевшиеся у отдельных лиц. Сличив конфискованные тексты с первой редакцией Корана, подготовленной Зейдом, и приняв или отвергнув ту или другую вновь полученную запись, составители Корана по приказу халифа уничтожили все оригиналы насильно или добровольно собранных текстов.

Полученная в результате этого новая редакция теперь уже зейдовско-османского текста Корана, переписанная в четырех экземплярах, была разослана в важнейшие центры Халифата — Мекку, Дамаск, Куфу и Басру. Этот текст стал считаться каноническим. По-видимому, разосланная редакция вполне устраивала халифа Османа и поддерживавшие его круги высокопоставленных омейядов, к этому времени занимавших едва ли не большинство командных должностей в Халифате. Зейд ибн Сабит был отмечен ими весьма щедрым подарком: получил из казны Халифата 100 тысяч дирхемов.

Вскоре, однако, обнаружилось, что и утвержденный халифом Османом текст Корана принимался верующими за подлинный далеко не везде, не сразу и отнюдь не всеми. Сожжение отобранных по приказу халифа записей также не нашло общей поддержки. Напротив, немалую огласку получили тексты, которые, как оказалось, удалось сохранить нескольким бывшим соратникам пророка. Теперь, после сожжения отобранных, многие стали проявлять повышенный интерес к этим текстам. Характерно при этом, что критика разосланной зейдовско-османской версии шла, если прибегнуть к современной терминологии, снизу, из демократических слоев.

Заметной фигурой среди подготовивших свой текст Корана и критиковавших зейдовско-османский список был Абдаллах ибн Мас'уд (ум. ок. 653), человек незаурядной судьбы и несгибаемой воли. В юные годы он был рабом, пасшим стадо у курейшитов, затем стал мухаджиром и в битве при Бедре снес саблей голову одному из наиболее ярых врагов пророка Мухаммеда — курейшиту Абу Джахлю. Он же ценился как тонкий знаток «откровений Аллаха» и умелый передатчик хадисов, от которого пошло 848 преданий. И не случайно, что этот человек оказался негодным в Медине, впрочем так же как и его современник, тоже сподвижник пророка, Абу Зарр аль-Гифари, высланный из Сирии, а затем и из Медины за открытое возмущение произволом халифа Османа и его наместника, присвоением ими податей и военной добычи, обиранием бедняков, ростовщичеством, приобретением богатых домов и доходных садов и стад, раздариванием казны Халифата своим родственникам и прислужникам. Обвиняя приспешников халифа, Абу

Зарр, ссылаясь на «откровения Аллаха», обещал им, как и их господам, вечное пребывание в адском пламени.

Характерно, что не только тексты, расхоронившиеся с официальной зейдовско-османской редакцией Корана, сохранялись века, но и потомки тех, кто сделал эти записи, даже спустя столетия приоткрывали социальные язвы, разъедавшие Халифат в первые десятилетия его существования. Так, потомок Ибн Мас'уда, арабский историк Абу-ль-Хасан Али аль-Мас'уди (конец IX в. — 956 или 957), которого называют «Геродотом арабов», писал, что в день убийства халифа Османа (656) только в его личной казне насчитали 150 тысяч динаров и миллион дирхемов. И это, как мы уже отмечали, при нищете большинства населения столицы, города пророка!

Да, трудно поверить, чтобы в версии Корана, принадлежавшей бывшему рабу Ибн Мас'уду, были аяты, оправдывающие неравенство, невольничество, рабство, вроде того, что читаем в суре «Пчелы» — «ан-Нахль» (16:73): «Аллах одних из вас наделяет жизненными потребностями в большем избытке, чем других; но те, которые избыточнее наделены, не передают избытков своим невольникам, так чтобы они с ними равнялись в этом. Так ужели они станут отрицать благотворительность бога?» Этот текст отражал, конечно, беспокойство тех, кто был «избыточно наделен». Волнение было понятно: во время одной из ярких вспышек социальной борьбы тех лет в Медине был убит халиф Осман, якобы в это мгновение склонившийся над утвержденным им списком Корана.

Его преемник халиф Али ибн Абу Талиб — двоюродный брат и зять пророка Мухаммеда — принял власть из рук убийц своего предшественника. Жизнь Али расцвечена позднее многими легендами, но пробыл он на посту халифа сравнительно недолго. В 661 году в Куфе при выходе из мечети халиф Али был смертельно ранен и через два дня умер. С ним покончил мусульманин-хариджит¹ Ибн Мульджам во время широкого народ-

¹ Хариджиты (по-арабски хаваридж, буквально «вышедшие, возмущившиеся, восставшие») — сторонники одной из наиболее ранних сект ислама, считавшие себя истинными мусульманами; они — участники ряда крупных мятежей и восстаний, потрясавших Халифат. Их современные потомки, именующиеся ибадитами, живут в основном в Алжире, Тунисе, Ливии, Омане.

ного восстания, участники которого требовали равенства мусульман, независимо от их происхождения и цвета кожи.

У хариджитов, отряды которых при Нахраване, в Западном Иране, безжалостно громил халиф Али, был свой взгляд на Коран. Отстаивая равенство мусульман, хариджиты считали, что и верховный пост халифа вправе занять каждый мусульманин, хотя бы он был не курейшитом и не арабом, а негром или рабом-эфиопом. Естественно, что и в их среде едва ли мог найтись правоверный, который поддержал бы такой аят из суры «Румы»: «Есть ли у вас из тех, кем овладели ваши десницы (то есть из принадлежащих вам рабов, невольников. — Л. К.), сотоварищи в том, чем мы вас наделили, и вы в этом равны? Бойтесь ли вы их так, как боитесь самих себя?» (К., 30:27).

Этот аят — одно из сравнительно немногих мест Корана, где весьма прозрачно отражено классовое расслоение в арабском обществе, наличие в нем антагонистических противоречий, возникновение среди имущих боязни перед неимущими, перед теми, за счет которых они жили. Тут и осознание разницы между конкурентной борьбой внутри своего сословия и взаимоотношением с людьми другой социальной группы, другого класса. Это помогает понять сложность социальных отношений эпохи возникновения Корана, а одновременно и выявить полную несостоятельность современной пропагандистской литературы, издающейся в некоторых зарубежных исламских странах, в которой мусульманская община времен пророка Мухаммеда и первых халифов изображается как некое «бесклассовое общество».

Хариджиты, как и последователи шиизма, ставшего вторым по численности направлением ислама, считают, что зейдовско-османский список Корана имеет ряд нарочитых искажений. Из четырех «праведных» халифов хариджиты признают только первых двух — Абу Бекра и Омара, а шииты считают узурпаторами всех, кроме Али, которого возвеличивают. Согласно богословам шиизма, халиф Осман по политическим соображениям не дал включить в Коран суру «Два светила» («ан-Нурайн»), в которой наряду с пророком Мухаммедом прославляется Али, бывший халифом в 656—661 годах. Предание об этом — отголосок политической борьбы, имевшей мес-

то в раннем Халифате. Впрочем, это не обеляет составителей «Двух светил»: анализ этой суры, неоднократно издававшейся шиитами, показывает, что она представляет собой составленную в более позднее время стилизацию под Коран, включающую ряд выражений, встречающихся в разных местах Корана.

Текст зейдовско-османского списка Корана, ставшего в суннитском направлении ислама каноническим, подвергался изменениям и при делении входящих в него материалов на главы (суры) и стихи (аяты), а особенно тогда, когда в нем были проставлены диактрические, то есть различительные, значки, необходимые для того, чтобы отличать одну арабскую букву от других, графически изображаемых одинаково с ней. Последнее имело место не ранее 702 года, когда был основан город Васит, где, согласно преданию, по предложению известного своей жестокостью наместника Ирака Ибн Йусуфа аль-Хаджаджа (660—714) была проделана эта работа¹. До этого времени существенные различия могли возникать также из-за того, что в древнем арабском письме не указывались удвоения букв и, как правило, не ставились краткие и долгие гласные, отчего не было ясно, в прошедшем или в настоящем времени употреблен тот или иной глагол, и т. п. Более поздними являются и заголовки глав Корана.

Составлен Коран на том арабском языке, который, как отметил академик Крачковский, «мы называем «песенным», но (он) значительно затемнен при письменной фиксации»². Язык Корана во многом определил затем и особенности арабского литературного языка, на котором в странах Ближнего и Среднего Востока в течение

¹ Об аль-Хаджадже мусульманские авторы и в близкое нам время писали как о «Нероне магометанской истории» (*Husain R. Sayani. Saints of Islam. L., 1908, p. 9*). Впрочем, как отмечалось в печати, следует учитывать возможность искажения образа аль-Хаджаджа в произведениях периода правления халифов Аббасидов, когда по политическим причинам были очернены многие из тех, кто служил династии Омейядов. При выяснении степени участия аль-Хаджаджа в установлении текста Корана важно учесть и то, что он происходил из хиджазского племени сакиф, известного своими педагогами и грамотеями-писарями еще в период возникновения ислама. «На заре VIII века н. э. появилась идея, утверждающая, что только писари-сакифиты способны точно записывать тексты Корана» (*Blachère R. Introduction au Coran. P., 1947, p. 75—76*).

² Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского, с. 663.

веков были созданы многие выдающиеся произведения науки и литературы. Впрочем, внедрение этой «латыни» Востока порой сопровождалось принижением и подавлением местных литературных языков и даже физическим истреблением их знатоков и носителей. Это оставило тяжелый след в истории ряда народов¹.

Для выяснения того, как вырабатывались канонический текст Корана и его толкование, немалый интерес представляет также история практики чтецов Корана. При малом развитии грамотности эта практика имела огромное значение. Из-за несовершенства раннего хиджазского, или куфического, письма чтец мог придавать различный оттенок и даже разный смысл не только передаваемому на слух, но и прочитанному или усвоенному на слух и передаваемому затем наизусть. К этому чтеца могли побуждать личный вкус, пристрастие и антипатия, политическая или религиозная ориентация близких ему людей. Принятое же чтение затем оказывало влияние на последующее закрепление текста при проставлении в нем диактрических значков и т. п. Безусловно заслуживает внимания указание французского переводчика и интерпретатора Корана Режи Блашэра (1900—1973) на то, что наука чтения «влиятельно на фиксацию текста Корана»². Не случайно, что и после установления канонического текста Корана разные чтения этой книги продолжали существовать, хотя, правда, в основном уже как формы декламации. К X—XI векам установилось несколько «школ» такого чтения; некоторые из них существуют и в наше время.

Самые древние из сохранившихся рукописей с тек-

¹ Примером может служить судьба письменности, литературы и науки, созданных в древнем Хорезме. Гениальный ученый и литератор Абу Рейхан Бируни писал о действиях халифского военачальника Кутейбы ибн Муслима аль-Бахили после захвата им Хорезма в 712 г.: «И уничтожил Кутейба людей, которые хорошо знали хорезмийскую письменность, ведали их предания и обучали [наукам], существовавшим у хорезмийцев, и подверг их всяким терзаниям, и стали [эти предания] столь сокрытыми, что нельзя уже узнать в точности, что [было с хорезмийцами даже] после возникновения ислама». И еще отметил: «...после того, как Кутейба ибн Муслим аль-Бахили погубил хорезмийских писцов, убил священнослужителей и сжег их книги и свитки, хорезмийцы остались неграмотными и полагались в том, что им было нужно, на память» (*Бируни Абу Рейхан. Избранные произведения, т. 1, с. 48, 63*).

² *Blachère P. Introduction au Coran, p. 102—103.*

стами Корана датируются концом VII или началом VIII века, то есть относятся ко времени редакции, произведенной по поручению аль-Хадждажа. К ним примыкает и так называемый османовский (точнее, зейдовско-османский) список Корана, в течение столетий издававшийся богословами за первоначальный, с которого якобы списывались копии. Согласно преданию, во время чтения именно этого списка халиф Осман был убит сторонниками его преемника, халифа Али. Османский список уже имеет диактрические значки (черточки, заменяющие, как обычно, в куфическом письме точки), но в нем еще нет других над- и подстрочных знаков, принятых в позднейшем арабском письме (хемза, медда, тешдид, сукун, краткие гласные). Беспристрастное исследование списка показало, что он не мог быть написан ранее конца первой четверти VIII века или, иначе, начала II века хиджры, то есть спустя полстолетия после смерти халифа Османа. Относительно же «священной крови халифа Османа», будто бы обогрившей этот список, исследовавший его арабист А. Ф. Шebuнин (1867—1937) писал: «Может быть, давно прежде было меньше крови, чем теперь; может быть, кровавые пятна подвергались такой же реставрации, какой... подвергался и текст,— теперь про это мы утвердительно ничего не можем сказать, но одно несомненно, что давно или недавно, но те пятна, которые мы видим теперь, намазаны не случайно, а нарочно, и обман произведен так грубо, что сам себя выдает. Кровь находится почти на всех корешках и с них расплывается уже более или менее далеко на середину листа. Но расплывается она совершенно симметрично на каждом из смежных листов: очевидно, что они складывались, когда кровь еще была свежа. И при этом еще та странность, что такие пятна идут не сплошь на соседних листах, а через лист... Очевидно, что такое распределение крови случайно произойти не могло, а находим мы его таким постоянно»¹.

Таким образом, непристрастное палеографическое исследование показало, что этот список, в течение длительного времени находившийся в распоряжении мусульман-

¹ Шebuнин А. Куфический Коран Спб. Публичной библиотеки.— Записки Восточного отделения имп. Русского археолог. общества. Вып. 1—4. Спб., 1892, т. VI, с. 76—77.

ского духовенства мечети Ходжа Ахрар в Самарканде, не идентичен тому, за который он выдавался.

Вместе с тем нельзя не отдать должное тем, кто трудился над этим огромным древним манускриптом, переписывал и украшал его. Он исполнен на 353 листах толстого крепкого пергамента, с одной стороны гладкого и глянцевого, желтого цвета, с другой — белого, в мелких морщинах. На каждом листе 12 строк, причем текст занимает значительное пространство — 50×44 см, а общий размер листов — 68×53 см. На месте 69 недостающих, вырванных или растерянных, листов — бумажные, имитирующие пергамент.

Каждый аят Корана отделен от другого четырьмя или семью небольшими черточками, при этом аяты разбиты на группы, отмеченные цветным квадратиком со звездочкой, в центре которой кружок с красной куфической буквой, цифровое значение которой обозначает число аятов от начала суры. Каждая сура отделена от соседней цветной полосой из узорчатых квадратиков или раскрашенных продолговатых прямоугольников. Названий суры не имеют, но все, за исключением девятой, начинаются с традиционного «бисмиллаха» — со слов «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного».

Примечательно письмо В. И. Ленина народному комиссару по просвещению А. В. Луначарскому от 9 декабря 1917 года об этом редкостном манускрипте, известном под названием «Коран Османа».

«В Совет Народных Комиссаров,— говорится в этом документе,— поступило отношение от Краевого Мусульманского съезда Петроградского Национального округа, в котором, во исполнение чаяния всех Российских мусульман, вышеназванный съезд просит выдать во владение мусульман «Священный Коран Османа», находящийся в настоящее время в Государственной Публичной Библиотеке».

«Совет Народных Комиссаров,— заключает письмо,— постановил немедленно выдать Краевому Мусульманскому съезду «Священный Коран Османа», находящийся в Государственной Публичной Библиотеке, ввиду чего просит Вас сделать надлежащее распоряжение»¹.

¹ Цит. по: Ленин и дружба советских народов. Документы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.— Дружба народов, 1957, № 11, с. 16.

На основании этого письма «Коран Османа» тогда же был передан представителям Краевого мусульманского съезда Петроградского национального округа, затем доставлен в Уфу и позднее в Узбекистан, в Ташкент, где он хранится и в настоящее время.

А. Ф. Шебунин опубликовал также обстоятельное исследование аналогичного списка Корана, выполненного тоже куфическим письмом и хранившегося в Хедивской библиотеке в Каире (1902). Примененный им метод палеографического анализа обоих древних манускриптов до настоящего времени признается образцовым. Интерес, вызванный исследованием древних манускриптов, обусловил и появление фототипического воспроизведения «Османского» Корана, изданного С. Писаревым в 1905 году.

Естественно, что немало можно ожидать и от палеографического изучения древних списков Корана, хранящихся в книгохранилищах ряда стран. Порой обнаруживаются и новые находки, сулящие пополнить уже накопленные данные об истории «священной книги» ислама, к тому же являющейся первым крупным произведением арабской прозы. Например, в Санае — столице Йеменской Арабской Республики во время земляных работ, производившихся в 1971 году у минарета западной стены Большой мечети, найдено около 40 тысяч листов пергамента с текстами различных списков Корана. Оказалось, как сообщала печать многих стран, эти листы пролежали долгие века, будучи кем-то спрятаны между внутренней и внешней кладкой минарета. Среди них найден палимпсест, на котором текст, написанный куфическим письмом, нанесен на стертый более ранний, исполненный древней хиджазской письменностью. А на двух листах, размером 60×50 см, оказались рисунки мечетей, сделанные цветными чернилами. Манера их исполнения, по мнению специалистов, напоминает декоративное искусство мастеров Дамаска эпохи халифов Омейядов, что позволяет датировать рисунки началом VIII века.

Уничтожение разноречивых списков Корана, а также записей, на основании которых они составлены, произведенное по указанию халифов, — наиболее серьезное препятствие при выяснении истории возникновения текста и редакций этой книги. В сохранившихся и распро-

страняемых сейчас списках Корана есть лишь некоторые отличия, сводящиеся в основном к разному делению на стихи и другие разделы (например, джужы или сипары, всего 30), введенные для удобства чтения. Общее число аятов в старейших списках Корана колеблется в пределах от 6204 (в басрийском списке) до 6236 (в куфийском, индийском и некоторых других списках); в общепринятых списках, размножаемых теперь типографски, обычно 6226 или 6238 аятов.

Каждого, кто впервые приступает к чтению Корана, поражают прежде всего постоянные нарушения в нем хронологической и особенно смысловой последовательности. Необычным кажется и то, что его суры расположены, как правило, не по их хронологии или содержанию, а по размеру. За немногими исключениями суры, как мы уже отмечали, начиная со второй, названной «Корова» («аль-Бакара»), расположены так, что по своему размеру к концу книги они все более уменьшаются. Если во второй главе 286 аятов, то в третьей — 200, в четвертой — 175, в пятой — 120 и т. д. В сурах 103, 108 и 110 всего лишь по три аята (в последней, 114-й главе шесть аятов). Но эта «последовательность» только внешняя. В большой мере условными оказываются также названия сур и обозначения в подзаголовке: «мекканская» или «мединская». На это обстоятельство было обращено внимание еще в середине века. Однако произведенные с тех пор попытки хронологического расположения сур и аятов Корана, предпринятые толкователем Корана Джалалом Суьути (1445—1505), а затем европейскими исследователями XIX и XX веков Г. Вейлем, А. Шпренгером, В. Мьюром, И. Родвелем, Г. Гримме, Т. Нельдеке и Ф. Швалли, Р. Блашэром и др., не дали до сих пор больших результатов. Это объясняется прежде всего тем, что все названные исследователи были в той или иной мере связаны с клерикальной традицией, находились под влиянием авторов «неисчерпаемых морей» предания, хотя у последних едва ли имелись заслуживающие доверия источники, кроме того же Корана.

Вопросы хронологии и контекстовой терминологии Корана в советской арабистике освещались прежде всего К. С. Кашталевой (1897—1939). «Интересуясь Кораном как историческим источником, она применила оригинальный терминологический метод к его изучению и

на ряде этюдов показала значение нового подхода для внутренней истории памятника и фиксации хронологического порядка его частей»¹. Сохраняет определенный интерес, например, ее этюд «К вопросу о хронологии 8-й, 24-й и 47-й сур Корана», опубликованный в «Докладах Академии наук СССР» за 1927 год. Речь идет, собственно, о терминологии нескольких аятов названных сур, обычно относимых комментаторами-традиционалистами к «военным речам Мухаммеда» мединского периода, точнее, ко 2-му и 3-му подразделам этого периода. Как правильно подчеркнула Кашталева, имея в виду хронологические рамки сур Корана, «следует скорее говорить о времени создания тех или иных отдельных стихов... так как состав каждой суры (независимо от того, была она названа «мекканской» или «мединской». — Л. К.) большею частью является разновременным и пестрым»².

Обратившись к 47-й суре Корана — «Мухаммед», Кашталева прежде всего познакомила читателя с тем, как ее истолковывают крупные европейские исламоведы — Г. Гримме (1864—1942), Т. Нёльдеке (1836—1930) и Ф. Швалли (1863—1919). Оказалось, что Гримме относит ее к первому подразделу мединского периода, а Нёльдеке и Швалли — ко второму.

Доводы у каждого исследователя свои. Так, исходя из содержащейся в 47-й суре «военной речи пророка», в которой сказано, как сражаться, поступать с пленными, относиться к уклоняющимся от сражения, Гримме считает ее относящейся ко времени незадолго до битвы при Бадре³. А Нёльдеке, обратив внимание на места этой же «речи», где упор сделан на посрамление уклонившихся от битвы, полагает, что она произнесена не до, а после битвы при Бадре⁴. Отметив это противоречие, Кашталева резонно заключила, что «если трудно решить, сказана ли данная речь до сражения или после

¹ Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. М.—Л., 1958, т. 5, с. 168.

² Кашталева К. С. К вопросу о хронологии 8-й, 24-й и 47-й сур Корана.— Доклады Академии наук СССР. Серия В. Л., 1928, с. 102.

³ Grimme H. Mohammed., Th. II. Einleitung in den Koran. Münster, 1895, S. 27.

⁴ Nöldeke Th. Geschichte des Qorans. 2 Aufl. bearb. von Fr. Schwally. T. I. Leipzig, 1909, S. 189.

него, то еще труднее решить, было ли это сражение битвой при Бадре или какой-нибудь другой». В итоге Кашталева, сославшись на аяты 22, 24, 27, 28, 30—34 и 36 суры 47, пришла к новому заключению: «По контексту эти слова скорее могут относиться к внутренним врагам Мухаммеда, уклоняющимся от битвы, таящим недоверие к пророку в его же лагере, чем к его внешним врагам-мекканцам»¹. Полагая так, Кашталева указывает еще одну возможную дату 47-й суры, 4-й аят которой заключает уже приводившийся нами текст, позднее получивший известность как фанатический «стих меча», начинающийся словами: «А когда вы встретите тех...» (см. выше, с. 55). Однако следующий, 5-й аят, как и аят 33, той же 47-й суры истолковывает войну уже не как исполнение предписанного мусульманам Аллахом истребления и покорения неверных (о чем читаем в «стихе меча»), а как испытание верующих — «усердствующих и терпеливых». Это же находим в тафсирах, комментариях Корана мусульманских богословов, где содержится истолкование также уже упомянутой нами битвы при горе Оход, относимой к более позднему времени, чем битва при Бадре.

Права Кашталева и в том, что в названных аятах Корана, как, кстати, и некоторых других, можно найти «намекы на исторические факты, относящиеся к III (мединскому.— Л. К.) периоду, в частности к эпохе битвы при Оходе». Основательно и ее заключение, согласно которому рассмотренные ею в Коране указания, относимые к тому же периоду, по существу, «так же туманны, как и предыдущие». Установив это, Кашталева вполне логично пришла к выводу, что «новый способ исследования требует и новой хронологической классификации, основанной на материале этого исследования»².

Заключения Кашталевой не были случайны и в других вопросах. Вместе с тем они отражали состояние исламоведения, и прежде всего изучения раннего ислама и его главнейшего источника — Корана, в те годы и не только в нашей стране.

¹ Кашталева К. С. К вопросу о хронологии 8-й, 24-й и 47-й сур Корана, с. 105.

² Там же, с. 106, 108.

В связи с этим небезынтересно вспомнить, что датский исламовед Франц Буль (1850—1932) в заключительной главе своей монографии «Das Leben Muhammets» («Жизнь Мухаммеда») писал о Коране как о «несомненно подлинном и верном источнике, единственно абсолютно правильном контроле над другими сведениями».

«К сожалению, — добавил он тут же, — ценность этого пособия сильно ограничена рядом присущих ему своеобразий». В числе их, прежде всего, редкость «ясных и недвусмысленных» исторических ссылок, «собственные имена встречаются как исключение»; если они и подразумеваются, то «в анонимной неопределенности». «Важные события и обстоятельства» упоминаются бегло, а не представляющим исторической ценности «пророческим легендам» отведено несоразмерно большое место. «Откровения разбросаны в беспорядке, так что не только трудно точно датировать отдельные разделы, но иногда трудно отличить мекканские от мединских»¹.

Таким образом, если Кашталева пришла к выводу, что, следуя методу контекстового изучения терминологии и хронологии Корана, «опереться на способы доказательства классической критики текста представляется затруднительным»², то и выводы представителя «классической критики» невольно приблизились к подобному заключению. Характеризуя состояние исследования раннего ислама, Ф. Буль считает его таким, что при анализе Корана оно заставляет исламоведа «весьма беспомощно стоять» перед главным источником, если не пополнять его данными преданий. Жалоб на недостаток или неполноту преданий быть не может — их число огромно; но трудность заключена в том, как отделить истинные от фальшивых, так как здесь вмещается столько лжи, сколько нет во многих других областях литературы человечества»³.

Подобное положение в большой мере сложилось из-за формального подхода к собиранию сборников преданий (сунна), в каждый из которых входили порой многие сотни и даже тысячи сообщений — хадисов (у шиитов —

¹ Buhl F. Das Leben Muhammets. Leipzig, 1930, S. 366—367.

² Кашталева К. С. К вопросу о хронологии 8-й, 24-й и 47-й сур Корана, с. 106.

³ Buhl F. Das Leben Muhammets, S. 367.

хадисов). Первая часть любого сообщения содержала иснад — цепь имен передатчиков, причем следили прежде всего за тем, кто и кому передал сообщение, оставляя в тени главное — суть сообщения, его содержание (матн). Швейцарский арабист Адам Мец (1869—1917), обратившись к первоисточникам, выписал оттуда немало курьезов, допущенных при составлении таких сборников. «До каких тонкостей дошла в них критическая техника, — писал он, — показывают сочинения аль-Хатиба (аль-Багдади, X в. — Л. К.): «Об отцах, которые передавали хадисы по словам их сыновей» и «Книга сподвижников пророка, которые передавали хадисы по словам последующего поколения»¹.

Еще исследования венгерского востоковеда И. Гольдциера и голландца Х. Снук-Хюргронье (1857—1936) выявили, сколь неправильно игнорировать такие факты. Опыт исследования источников раннего ислама должен быть учтен и при анализе главного из них — Корана. Без этого не может быть и правильного подхода к задаче его полноценного комментирования и адекватного перевода.

Слабости в изучении раннего ислама, естественно, отразились на состоянии исследования Корана и уровне переводов «слова Аллаха». Все чаще стали появляться переводы, особенно на европейские языки, с оригинальной последовательностью его сур, отражающие эстетические, «вкусовые» и т. п. пристрастия их истолкователей. Из английских переводов к ним можно отнести перевод-интерпретацию Корана в стихах востоковеда А. Арберри², в котором традиционные обозначения глав, «мекканская» или «мединская», вообще отсутствуют. Однако в данном случае трудно расценить это как шаг вперед, так как автор интерпретации, выдвигая правильную задачу понимать Коран не только в деталях, но прежде всего в целом, решает ее, исходя из религиозной традиции, идет не столько путем науки, сколько путем «мистического приближения»³. Более строг и за сравнительно небольшими исключениями следует за схемой хронологического порядка сур уже упоминавшегося нами немецкого семитолога Т. Нель-

¹ Мец А. Мусульманский Ренессанс. 2-е изд. М., 1973, с. 165.

² Arberry A. J. The Koran Interpreted. I—II. L.—N. Y., 1955.

³ Ibid., II, p. 16.

деке перевод на английский язык Н. Давуда, выдержавший несколько изданий в популярной серии классики «Пингвин» (1956, 1959, 1961)¹. Перевод предвзят «Хронологическая таблица главных событий в жизни Мохаммеда»², по-видимому, призванная подчеркнуть независимость Н. Давуда от мусульманской догмы. Нет в этом переводе и деления сур на аяты.

О том, сколь осложнена была к этому времени проблема выяснения хронологической последовательности сур и аятов, можно судить и по последнему русскому переводу Корана академика И. Ю. Крачковского, изданному посмертно в 1963 году. В заголовках сур и здесь нет указания «мекканская» или «мединская», но вслед за переводом дан «Хронологический порядок сур», воспроизводящий схему Нёльдеке — Швалли. Однако лишь внимательный читатель, проштудировав следующие за этим «Комментарии», занимающие 145 страниц петитом, сможет получить представление, с какой долей оговорок и скептицизма приходится относиться к приведенной хронологической таблице.

Вот несколько примеров. Из 218 примечаний к суре 2 — «Корова» 19 относятся к хронологии. В примечании 1 эта сура, в соответствии с мусульманской традицией и схемой Нёльдеке — Швалли, определена как «старейшая мединская», а из примечания 6 к ней узнаем, что ее аяты 19—37, «может быть, мекканского происхождения». Дальше в примечании 55 сказано, что часть аята 79 один из исследователей (Барт) «считает вставкой». Подобные замечания сделаны и в примечаниях 66, 94, 133, 146 к другим аятам. Примечание 101 гласит, что аяты «148—152 моложе [других частей суры]...», а 103 примечание, что аят «153 не на месте...». В примечании 106 указано, что «аяты 158—162 — мекканские; может быть, [они —] начало суры...». В примечании 147 сказано, что аят «199 не определяется хронологически», а аят 206 «может быть... мекканский» (примечание 151), то же и об аяте «211, может быть, другого времени...» (примечание 157), а в аяте 262 слово «великий» — арабским шрифтом — «кабир, судя по смыслу, [это —] поздняя вставка...» (приме-

¹ The Koran. Translated by N. J. Dawood. L.—Tonbridge, 1961.

² Ibid., p. 13.

чение 162), аяты «285 и 286 могут быть и мекканскими и мединскими...» (примечание 215).

Примечания к суре 3 — «Семейство Имрана», также считающейся мединской, начинаются с фразы: «Когда [прочтена] первая часть, ст. 1—86, неизвестно; после сражения при Бадре». Есть тут и такие комментарии, как к 66-му аяту: «вставка, нарушающая связь» (примечание 45); к 100-му аяту: «добавление Усмана» (примечание 63; имеется в виду третий халиф Осман); к 125—130-му аятам: «ст. 125—130 неизвестного происхождения...» (примечание 73); к аяту 132: «...цитата Абу Бакра (первого халифа.— Л. К.) после смерти Мухаммада» (примечание 78) и т. д.

Та же примерно картина и в примечаниях к «мекканским сурам». Вот сура 96 — «Сгусток»: «По мусульманской традиции... первая [сура] (переданная в ночь предопределения — лайлат аль-кадр.— Л. К.)... Большинство ученых [полагают так же], некоторые колеблются между нею и С. 74... Andrae (шведский востоковед.— Л. К.) ... считает, что [эта] сура более поздняя и представляет единое произведение...» (примечания 1—2). И дальше в примечании 12: «Ст. 15—18 [добавлены] несколько позже...» и т. д. и т. п.

Конечно, при оценке перевода дело не сводится к примечаниям о хронологии тех или других частей переводимого произведения. И нельзя не отметить, что в переводе академика Крачковского немало нового, что приближает читателя к правильному пониманию этого памятника как наиболее раннего свидетельства эпохи возникновения и развития ислама. Уже основная формула ислама, начинающая суры Корана, передана в переводе Крачковского словами «Во имя Аллаха...», а не «Во имя бога...», как ее теперь обычно воспринимают. Принципиальность такого перевода особо оговорена переводчиком¹. И это понятно. Культ Аллаха как бога ислама в период составления Корана еще только выделился из числа богов древних арабов. Поэтому и проповедники раннего ислама, в том числе те из них, кто работал над составлением и редактированием Корана, были прежде всего заинтересованы не в пропо-

¹ См.: Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского, с. 503.

веди абстрактного бога, а в утверждении уже известного арабам Аллаха как единого бога, новое представление о котором должно было устранить культы всех старых богов и богинь.

2 { Безусловным достоинством перевода И. Ю. Крачковского является сохранение в нем той формы произношений собственных имен, какие были приняты у арабов, а не их иудейских или христианских соответствий (Джибриль вместо Гавриил, Нух вместо Ной, Йусуф вместо Иосиф, Ибрахим вместо Авраам, Марйам вместо Мария и т. д.). В этом отношении И. Ю. Крачковский, продолжая лучшие русские академические традиции, намного поднялся над большинством более ранних переводчиков, включая Г. С. Саблукова. Но, к сожалению, перевод И. Ю. Крачковского остался неоконченным. «Окончательная редакция перевода не была завершена, а обширный подготовительный материал не был целиком реализован. Самый текст перевода остался литературно необработанным, местами сохраняя форму подстрочника. В окончательной редакции перевод ряда стихов, может быть, получил бы иную формулировку, как об этом можно думать на основании переводов коранических цитат в позднейших работах И. Ю. Крачковского»¹.

В рукописи, над которой И. Ю. Крачковский работал с 1921 по 1930 год, неоднократно возвращаясь к ней и позднее, сохранялся и разноречивой в форме собственных имен, что также оговорено в предисловии к переводу. «Решение вопроса о фиксации арабской формы для библейских имен (Муса вместо Моисей, Харун вместо Аарон и т. п.) взяли на себя подготовители и редактор (как указано в книге — В. А. Крачковская, П. А. Грязневич и В. И. Беляев.— Л. К.), так как у автора на протяжении всего текста встречается непоследовательная передача — то в одной, то в другой форме»².

В комментариях академика Крачковского, имеющих форму предварительного «краткого конспекта примечаний», ощущается порой сильное влияние мусульманской традиции и ее модернизированных толкований. Впрочем, иногда это воспринимается как досадная опис-

¹ Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского, с. 10.

² Там же, с. 11.

ка, своего рода lapsus kalami. Так, в примечании 62 к словам 91-го аята второй суры Корана «Кто был врагом Джибрилу...» сказано: «У евреев Гавриил — злой ангел»¹. На поверку Гавриил в иудаизме, как и в христианстве, — один из главных ангелов — «сила господняя», он характеризуется не злыми, а добрыми качествами. Мнение же о том, что он считается в иудаизме грозным, злым, как оказывается, идет от мусульман, авторов известных тафсиров — аль-Бухари (810—870), аз-Замахшари (1074—1143), аль-Байдави (ум. ок. 1286 г.), которые, добросовестно пересказывая Коран, создали впечатление, что раз враги Джибриля — «враги божьи», иудеи, то и их ангел Гавриил — злой. Таким образом, в комментарии в этом случае оказалась описка или, вернее, некритически воспринятый взгляд мусульманских толкователей Корана. То, что такое мнение было среди мусульман распространено, определило, очевидно, и детальный рассказ о причине его возникновения еще в старых энциклопедических изданиях, в том числе вышедших в царской России².

И. Ю. Крачковский, в целом высоко оценивая значение перевода Корана Г. С. Саблукова, вместе с тем справедливо отметил, что «его основная установка на понимание текста согласно поздней мусульманской традиции едва ли правильна...»³. Однако нельзя не отметить, что влияние этой традиции порой сказывается и в переводе Крачковского, в том виде, как он издан в 1963 году. И лишь детальные комментарии в известной мере это влияние ослабляют.

Вот пример. Коран, как мы уже отметили, первое крупное произведение письменно зафиксированной арабской прозы. К тому же прозы, хотя и записанной, но чаще всего с устной передачи, а порой воспроизведенной по памяти через годы после ее произнесения. Было бы странно, если бы в таком тексте не встречалось тех или иных непоследовательностей, описок, недосмотров и т. п. Те, кто считал его сочинением, не сотворенным людьми, «священным», «божественным», и даже создал мусульманское учение о его «неподражаемо-

¹ Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского, с. 508.

² См. ст. «Гавриил». — Еврейская энциклопедия. Спб., б. г., т. 5, с. 931—932.

³ Крачковский И. Ю. Избранные сочинения, т. 5, с. 128.

сти» — иджаз аль-Куръан; не хотели замечать этих недостатков, а если и замечали их, то пытались всячески затушевать, шли на их искусственные истолкования. Так случилось с чтением начала 121-го аята 16-й суры Корана — «Пчелы»: «инна Ибрахіма кяна-уммятан», то есть: «подлинно, Ибрахим был народ (народом)». Вопреки элементарной логике, вместо арабского слова «уммятан» предлагали читать другие слова, особенно часто «имам» — стоящий впереди, предстоятель, ибо в 118-м аяте 2-й суры Корана Аллах, обращаясь к Ибрахиму, говорит, что он поставит (или — сделает) его «для людей имамом».

Однако и среди мусульманских богословов появились истолкователи, не удовлетворявшиеся такой подменой. Из них шейх-уль-ислам аль-Хамиди подыскал «обоснование» 121-му аяту 16-й суры в том, что якобы лишь об Ибрахиме, соединявшем в себе превосходные добродетели многих, можно сказать, что он один будто был «некоторого рода обществом» — «бер джемагат булды»¹.

Переводчики Корана на русский, немецкий и другие европейские языки, как правило, продолжали следовать за основной мусульманской традицией. И у Саблукова, и у Крачковского написано: «был имамом». Саблуков, правда, готовил особое пояснение слова «уммят (уммятан)» для второго выпуска Приложений к переводу Корана, оставшегося неопубликованным, а Крачковский указал в примечании другие переводы и исследования и в их числе критическую работу проф. Е. А. Малова (1835—1918), о котором в «Очерках по истории русской арабистики» писал как об «основательном знатоке татарского и арабского языков»². Более определенно примечание к новому изданию немецкого перевода Макса Геннинга, где сказано: «Другое чтение: eine Gemeinde (имма)»³, то есть община, общество, приход; по-арабски умма — народ. Так, истина, преодолевая клерикальную традицию, медленно, но настоятельно пробивает путь к широкому читателю.

¹ Аль-Хамиди. Куръан тафсири. Казань, 1907, т. 1, с. 499 (на татарском яз.).

² Крачковский И. Ю. Избранные сочинения, т. 5, с. 129.

³ Der Koran. Aus dem arabischen Übersetzung von Max Henning. (Reclams Universal Bibliothek, Bd. 351), 1968, S. 259.

Аллах — бог Корана

Уже начало первого из пяти «столпов» (аркан) веры в исламе — догмат о единстве (ат-таухид) бога, Аллаха — в известной мере выражено в 1-й суре «аль-Фатихе» — «Открывающей» Коран, относимой к мекканским. В семи аятах этой суры читаем: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Хвала — Аллаху, господу миров милостивому, милосердному, царю (или властелину, владыке. — Л. К.) в день суда! Тебе мы поклоняемся и просим помочи! Веди нас по дороге прямой, по дороге тех, кого ты облагодетельствовал, — не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших» (К., 1:1—7).

Сказанное довольно логично продолжено в начале 2-й суры, считающейся мединской. Она начата с трех букв — «алм», начертанных по правилам арабского письма, но какого-либо смыслового содержания не заключающих. Попытки объяснить эти буквы как иносказания, имеющие некий таинственный мистический смысл, доступный лишь пророку, ангелам и некоторым из мусульманских святых, не увенчались успехом. На наш взгляд, правы те исследователи, кто видит в них сохранившиеся пометки первых составителей или редакторов Корана, делавшиеся в технических целях. Такие сочетания букв предварают 29 из 114 сур Корана, в 42-й суре они разделены на два соединения — «хм аск» (или по названию букв: «Ха мим. Айн син каф»).

Вслед за «алм» во 2-й суре читаем: «Эта книга — нет сомнения в том — руководство для богобоязненных, тех, которые веруют в тайное и выстаивают молитву и из того, чем мы (Аллах. — Л. К.) их наделили, расходуют, и тех, которые веруют в то, что ниспослано тебе (посланнику Аллаха, которому сообщен или сообщается Коран. — Л. К.) и что ниспослано до тебя (другим посланникам и пророкам Аллаха. — Л. К.), и в последней (то есть в существовании загробной. — Л. К.) жизни

они убеждены. Они на прямом пути от их господя, и они — достигшие успеха» (К., 2:1—4).

Таково преддверье, как бы порог Корана, если начать постигать его, не считаясь с составленными в позднейшее время «хронологиями». Как видим, в нем названы еще далеко не все черты и свойства Аллаха. Особо оговорена вера в загробную жизнь, что, по-видимому, вызвано тем, что это представление в исламе было одним из новых, мало разработанных в прежних верованиях арабов и, таким образом, могло вызывать с их стороны существенные возражения.

Во всей полноте свойства Аллаха раскрываются в Коране постепенно, почти безотносительно к тому, в каком бы порядке ни читать его «слово».

«Господь наш — Аллах», — читаем в 41-м аяте 22-й суры и 12-м аяте 46-й суры Корана. «Разве ты знаешь ему соименного?» (К., 19:66). «Бог! — нет божества, кроме него, у него — прекрасные имена» (К., 20:7). «Он — Аллах, творец, создатель, образователь. У него самые прекрасные имена. Хвалит его то, что в небесах и на земле. Он — великий, мудрый!» (К., 59:24). «У Аллаха прекрасные имена; зовите его по ним и оставьте тех, которые расколыничают о его именах. Будет им воздано за то, что они делают!» (К., 7:179).

Эпитетов или, иначе, «прекрасных имен божьих» мусульманские богословы насчитывают большое число, некоторые — более тысячи, но большинство — 99, утверждая, что сотое имя — неизвестное, искомое, которое-де знали лишь немногие из избранников Аллаха, например пророки Сулейман и Иса ибн Марьям, силой сотого имени они якобы смогли совершить немало чудес. С перечнями и пояснениями этих 99 «прекрасных имен» в некоторых странах Ближнего Востока выходит немало книжек и даже художественно оформленных многокрасочных почтовых открыток. Богословами разработано особое «учение об именах божьих».

В Коране об этих именах читаем: «Скажи: «Призывайте Аллаха или призывайте милосердного; как бы вы ни звали, у него самые лучшие имена» (К., 17:110); «Он — первый и последний, явный и тайный, и он о всякой вещи знающ» (К., 57:3); «Он — Аллах... знающий скрытое и созерцаемое... царь, святой, мирный, верный, охранитель, великий, могучий, превознесенный... творец,

создатель, образователь. У него самые прекрасные имена» (К., 59:22—24).

Он, Аллах, которому нет соименного — «живой» (40:67), «бессмертный» (25:60), «присносуший» (20:110, 3:1), «его не объемлет ни дремота, ни сон» (2:256). Он вечен: «Всякая вещь гибнет, кроме его лика» (К., 28:88), его существа. На земле никто не вечен, «всякий, кто на ней, исчезнет, и остается лик твоего господа со славой и достоинством» (К., 55:26—27). Он, бог, — причина жизни и смерти: «он оживляет и умерщвляет» (57:2, 2:260, 3:150), «он живет и мертвит» (7:158; 9:117 и др.). «Он изводит живое из мертвого, и мертвое изводит из живого. Он оживляет землю, после ее омертвления...» (30:18). «Поистине, Аллах — дающий жизнь зерну и косточке; изводит живое из мертвого и выводит мертвое из живого! Это вам — Аллах» (К., 6:95).

В 6-й суре с 95-го по 103-й аят излагается целая программа могущества Аллаха, которая, прежде всего, исходит из представления, будто весь окружающий мир своим существованием обязан его воле, и не труд человека — земледельца, садовника, скотовода, а Аллах обуславливает саму возможность выращивания зерна, плодовых деревьев, садов, размножения скота, получения хорошего урожая, всех богатств живой природы.

Аллах «выводит утреннюю зарю и ночь делает покоем, а солнце и луну — расчислением» (времени. — Л. К.) (К., 6:96). Аллах — он тот, кто весь мир устроил ради человека, его удобства. Так, «он... устроил для вас звезды, чтобы вы находили по ним путь во мраке суши и моря» (К., 6:97). «Он — тот, который низвел с неба воду, и мы (бог. — Л. К.) произвели благодаря ей рост всякой вещи (каждого растения. — Л. К.); мы вывели из нее зелень, из которой выведем зерна, сидящие в ряд (в колосе. — Л. К.); и из пальмы, из ее завязей, бывают гроздья (фиников, отяжелевшие. — Л. К.), близко спускающиеся (к земле. — Л. К.); выводим и сады из винограда, и маслину, и гранаты, похожие и не похожие (один на другие. — Л. К.). Посмотрите на плоды этого, когда они (наливаются, поспевают. — Л. К.) приносят плоды, и на созревание их! Поистине, в этом — знамения для людей, которые веруют!» (К., 6:99).

Читая такие аяты Корана, понимаешь, что они продиктованы или написаны в расчете на читателя, которо-

му знаком растительный мир Аравии и смежных с нею стран. Вообще в Коране выразительно передано чувство природы и то, как внезапная перемена погоды, например, может влиять на настроение человека. Правда, эти картины, как правило, не развернуты, а нарисованы будто отдельными мазками, для неосведомленного читателя требующими пояснения. Картины эти обычно названы, если можно так выразиться, прикладными миссионерскими целями, стремлением воздействовать на тех, кто еще не поддался проповеди всемогущества Аллаха, доводам нового вероучения. А таких в то время было, по-видимому, немало, и вели они себя по-разному.

Так, одни из них, «когда говорят им: «Уверуйте, как уверовали люди!» — они отвечают: «Разве мы станем верить, как уверовали глупцы?» Разве нет? Поистине, они — глупцы, но они не знают! И когда они встречают тех, которые уверовали, они говорят: «Мы уверовали!» А когда остаются со своими шайтанами (обольстителями, проповедниками их старых культов. — Л. К.), то говорят: «Мы ведь — с вами; мы ведь только издеваемся». Аллах поиздевается над ними и усилит их заблуждение, в котором они скитаются слепо! Это — те, которые купили заблуждение за правый путь. Не прибыльна была их торговля, и не были они на верном пути!» (К., 2:12—15).

И вот в 16-м и 18-м аятах 2-й суры, продолжая эти увещевания и угрозы, Коран нашел уместным воздействовать на своего читателя или слушателя еще и образами, взятыми из наблюдения за людьми в необычных ситуациях. Прежде всего, за чувством растерянности, появляющимся у путника, который развел костер, осветивший окрестность, а внезапный ветер затушил его, оставив человека в мгновенно охватившем его мраке.

А вслед за этим, промолвив: «Глухие, немые, слепые, — и они не возвращаются», Коран добавляет еще образ странников ночью, в темень попавших, в грозу вымокших, ослепленных ярким блеском молний, а затем будто провалившихся в непроницаемый жуткий мрак и невольно остановившихся, боясь сделать еще хоть шаг. И вновь эта живая картина (или, вернее, канва, по которой ее можно воспроизвести) перебита и приглушена трафаретной для Корана фразой: «О люди! Поклоняйтесь вашему господу, который сотворил вас и тех, кто был до вас, — может быть, вы будете богобоязненны! —

который землю сделал для вас ковром, а небо — зданием, и низвел с неба воду, и вывел ею плоды пропитанием для вас. Не придавайте же Аллаху равных...» (К., 2:21—22).

Так Коран и здесь подводит читателя к одному из главных доводов единства Аллаха как бога, которому «нет равных». Доказательством на этот раз служит семейно-родовой аргумент: у Аллаха нет семьи: нет отца, братьев, сына, жены, дочери, детей, откуда же быть «равному»? В памятнике, отражающем период краха первобытнообщинных отношений и установления классового общества, этот довод закономерен и логичен.

О том, что у Аллаха нет семьи, говорят в Коране не только люди, но и джинны — духи, демоны, созданные Аллахом, согласно мусульманским представлениям, раньше людей из «знойного» или «чистого», бездымного огня (15:27; 55:31). В суре 72 — «Джинны» по этому поводу читаем: «Скажи: «Открыто мне, что слушал сонм джиннов, и сказали они: «Поистине, слышали мы Коран дивный! Он ведет к прямому пути. И уверовали мы в него, и никогда не придадим мы нашему господу никого. И он... не брал себе ни подруги, ни ребенка. Говорил глупец среди нас на Аллаха чрезмерное. Мы думали, что никогда не будут говорить люди и джинны на Аллаха ложь... И мы думали, что никогда не обессилим мы Аллаха на земле, и никогда не обессилим его бегством (уходом от него, от его признания.— Л. К.). И мы, когда услышали про прямой путь, мы уверовали в него; а кто уверует в господу своего, тот не боится обиды и безумства. И среди нас есть предавшие себя Аллаху (иначе говоря, джинны, ставшие мусульманами.— Л. К.), и среди нас есть отступившие; а кто предал себя (принял ислам, покорность Аллаху.— Л. К.), те пошли прямым путем, а отступившие — они дрова для геенны», для джаннам (К., 72:1—5, 12—15).

Итак, и тут для составителей этого текста мир людей и духов, демонов, джиннов был одинаково реален. Более того, и те и другие слушают Коран!

«Глупцом» или «сумасбродом» в 4-м аяте 72-й суры, согласно мусульманской традиции, опирающейся на 48-й аят 18-й суры Корана, где об Иблисе сказано, что «был он из джиннов», назван дьявол ислама — Иблис. В других местах Корана Иблис — ангел, ослушавшийся Аллаха

и за это низверженный с небес и строящий козни людям. Это мусульманский сатана, шайтан. «Проклял его Аллах. И сказал он: «Я непременно захвачу от твоих рабов долю назначенную, и собью их с пути, и возбужу в них мечты, и прикажу им, и пусть они будут обрезать уши у скота (будто им завладел другой хозяин.— Л. К.), и прикажу им, и пусть они будут изменять творение Аллаха!» Кто берет сатану заступником помимо Аллаха, тот потерпел явный убыток! Он обещает им и возбуждает в них мечты. Но обещает им сатана только обольщение! У этих убежище — геенна, и не найдут они от нее спасения!» (К., 4:118—120).

Коран особо оговаривает, что как придание Аллаху других богов, так и обольщение, почитание сатаны, отступника Иблиса, способного отвращать верующих от Аллаха, — крайнее, непростительное заблуждение. Не случайно Иблис именуется «врагом Аллаха», «отцом горечи», зла. А тот, кто устоял против козней Иблиса, прогнал его, ставится в пример всем мусульманам. Так, среди мусульман широко распространено сказание о пророке Ибрахиме, прогнавшем дьявола в долине Мина близ Мекки. В память об этом эпизоде и сейчас во время хаджжа паломники совершают в этой долине обряд «побийения шайтана». С этим связано и часто употребляемое заклинание: «Прибегаю к Аллаху от шайтана, побиваемого камнями!»

Обряд «побийения шайтана», как и вообще хаджж, уходит своими корнями к культам древней Аравии, включавшим обряд бросания камешков в долине Мина для того, чтобы отогнать злых духов, джиннов и им подобных «нечистых» существ от места, где происходило жертвоприношение.

Культе Иблиса занимает в исламе значительное место, как и сохраняющееся в нем почитание святых. Это свидетельствует о том, что ислам не составляет исключения среди монотеистических религий, для каждой из которых характерны «уступки политеизму»¹. Даже знакомый по Корану догмат ислама «Нет божества, кроме Аллаха» в большинстве направлений и сект ислама связан с почитанием святых. Последователи шиизма, а также близких ему течений, произнося догмат о единстве

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 490.

Аллаха, наряду со словами «и Мухаммед — посланник божий» или вместо них говорят: «И Али приближенный божий». Почти в любом мусульманском «катехизисе» содержится наряду с учением о пророках и их чудесах параграф о святых. В оправдание культа святых богословы обычно ссылаются на 63-й аят 10-й суры Корана, где сказано о «близких, родных Аллаху» или, согласно богословскому толкованию, о «друзьях божиих», которым «не будет ни страха, ни печали».

Во всяком случае, утверждать, что ислам характеризуется «строжайшим монотеизмом»¹, — значит не считаться с реальным положением. Ведь в исламе признается и существование ангелов, в том числе особо приближенных к Аллаху, как Джibriль (Джабраиль), Михаил, Исрафил и Азраиль, которым передаются приказания и указания всевышнего, предназначенные для посланников, пророков и других ангелов, возглавляющих их отряды, находящиеся на семи небесах, у райских врат, на «преградах» между раем и адом — и в преисподней. Есть еще ангелы, которые, как сказано в Коране, «носят трон (Аллаха. — Л. К.) и которые вокруг него превозносят хвалу господу их, и веруют в него, и просят прощения тем, которые уверовали» (К., 40:7). А Иблис хотя и падший ангел, однако он таков, что способен противостоять Аллаху, сбивать верующих с «прямого пути», заставляя «признавать правдой его мысль» (К., 34:20). В образе Иблиса и в изображении его борьбы за верующих против Аллаха заметны сильные отзвуки религиозного дуализма, борьбы тьмы со светом, зла против добра, мотивы, существующие и в других верованиях — зороастризме, маздеизме.

Есть в демонологии ислама и вера в страшное существо Даджжаль. Он, согласно религиозному учению, прикован цепями к утесу на необитаемом острове посреди океана, где его кормят и охраняют джинны. Перед концом мира Даджжаль установит свое недолгое, но крайне разорительное, жестокое царство на земле. Лишь спустившийся в это время с четвертого неба Иса ибн Марьям сможет один или с помощью махди — другого

¹ Шаймухамбетова Г. Б. Философия и религия в историко-культурном развитии Востока (к постановке вопроса). — Философия и религия на зарубежном Востоке. XX век. М., 1985, с. 35.

«благонаправленного» Аллахом существа — покончить с разбойным царством Даджжала и восстановить на земле чистоту и силу ислама.

А шииты наиболее распространенного толка имамитов, или, иначе, исна'ашария — «дюженников», веруют в наследственных имамов — глав своей общины и государей, которых было всего 12. Последний из них — Мохаммед аль-Махди. По их представлению, этот имам еще мальчиком шести — девяти лет таинственно исчез: случилось это, по их подсчетам, в восьмидесятих годах IX века. Имамитаы именуют исчезнувшего имама Мохаммедом Мунтазаром, то есть Ожидаемым, и верят, что он вернется и наполнит землю справедливостью. В этой вере, возникшей в средние века, причудливо отразилась народная мечта о лучшем будущем. Согласно шиизму, их Ожидаемый — мессия, он — махди, ка'им, сахиб аз заман, худжжат, то есть он «благонаправленный», «тот, кто поднимается после исчезновения», он «господин времени», аргумент веры.

После исчезновения Мохаммеда аль-Махди более 60 лет общину шиитов-имамитов возглавляли его векили — уполномоченные, «регенты», а затем наступил период его «великого сокрытия», продолжающийся и в наши дни. Согласно вере, сокрытый имам жив, без него немисливо существование не только общины имамитов, но и всего человечества, земли, мира. Как писал ан-Наубахти, теолог IX века, современник Мохаммеда аль-Махди, «если бы земля осталась» без исчезнувшего имама даже лишь «на час, то она погрузилась бы (во мрак) вместе с теми, кто (обитает) на ней»¹. «И ни нам, ни одному из верующих не дозволено избирать имама по (своему) суждению и выбору... И имам лучше знает себя и свое время, чем мы»².

Поэтому же он — «господин времени» — находил и находит, согласно вере имамитов, того или тех, через которых он считает возможным и нужным, оставаясь сокрытым, подобно мечу, «вложенному в ножны», выразить свою волю, передать свое решение.

Все это показывает, сколь проницательно осново-

¹ Ал-Хасан ибн Муса ан-Наубахти. Шиитские секты (Фирак ши-ши'а). М., 1973, с. 190—191.

² Там же, с. 191.

положники марксизма писали об «уступках политеизму», которые характерны для монотеистических религий.

Можно было бы привести множество примеров, показывающих, сколь широки «прерогативы» в исламе и лиц, имеющих своих исторических прототипов, которых верующие оценивают как святых. Остановимся лишь на нескольких. Впрочем, как увидит читатель, «успеху» действий этих лиц в немалой степени способствовала доверчивость почитавших их людей, не знавших действительных причин такого грозного явления природы, как, например, землетрясение.

В первом случае речь пойдет об известном шейхе мусульманского мистического (суфийского) ордена накшбанди шейхе Абу Язиде Бистами (ум. ок. 878 г.). В прославляющем его произведении «Свет наук» («Нур аль-улум»), приписываемом крупному шейху X—XI веков Абу-ль-Хасану Харакани, читаем, как однажды этот шейх сказал: «О боже, уведоми землю о любви моей!» Земля затряслась. Некто сказал: «О шейх, земля начала трястись!» — Он ответил: «Да, ее уведомили!»¹

Второй случай относится к первой половине XIX века, к первому имаму Дагестана и Чечни Гази Мухаммеду, призвавшему горцев к борьбе против царизма под лозунгом газавата (джихада). В «Хронике Мухаммеда Тахира аль-Карахи» рассказано, как после неудачной для Гази Мухаммеда битвы под Хунзахом «некоторые люди из гимримцев в их мечети после полуденной молитвы говорили в присутствии Гази Мухаммеда: «Этот привел в движение великие междуусобицы и сделал мир тесным для народа». Они как бы упрекали Гази Мухаммеда. Тогда Гази Мухаммед, рассерженный и обиженный их словами, закричал: «Аллах, Аллах»². И затряслась мечеть. Те устрешили и сказали: «Давайте же покаемся». Гази Мухаммед быстро встал и сказал: «Я уже покалялся раньше» — и ушел к себе домой. Это было то сильное землетрясение, которое произошло в Дагестане в то время, в ту эпоху»³.

¹ Нур аль-улум. — Иран. 1929, т. 3, с. 212 (перевод).

² Глосса: «А в другом рассказе — и сказал Гази Мухаммед: «Меня не заботит, как бы не перевернулся мир, так или этак», и он повернул рукой направо и налево, и мечеть задвигалась, как его рука, направо и налево, и испугались те...» и т. д.

³ Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи. М. — Л., 1941, с. 52.

Итак, ислам — религия, изобилующая многими противоречивыми и не всегда достаточно изученными представлениями. Не составляет в этом отношении исключения и его главная книга — Коран. Так, в одних его аятах существование Аллаха доказывается тем «знамением», что птицы держатся в воздухе, летают, их утверждает Коран, «поддерживает только Аллах». (К., 16 : 81). В других — содержатся представления гораздо более сложные, заставляющие вспомнить религиозно-философские постулаты гностиков или близких им течений, вроде: «Аллах есть свет небес и земли» (24 : 35). Не случайно именно это положение Корана стало особенно часто разъясняться богословами XX века.

С этой сложностью Корана, как и с его противоречиями и разностильностью, нельзя не считаться. Их правильному пониманию помогает обращение к истории ислама.

О том же, чем подкупали мусульман, чтобы те, обращаясь к Корану, выучили первый «столп» вероучения, может сказать такой хадис, возводимый к пророку Мухаммеду: «Посланник Аллаха... сказал: «Кто десять раз прочтет до конца: «Скажи: «Он — Аллах — един...» (то есть 1-й аят 112-й суры Корана «аль-Ихлас» — «Очищение». — Л. К.), тому Аллах выстроит дом в раю». Умар б. ал-Хаттаб (Омар, впоследствии второй халиф. — Л. К.) спросил: «А если мы это сделаем многократно?» Посланник Аллаха ответил: «(Тогда) Аллах сделает еще больше и лучше»¹.

Сколь бы ни был достоин или недостоин доверия этот хадис, возведенный к пророку Мухаммеду и Омару ибн аль-Хаттабу, он мог быть рассчитан только на тех, кто слепо верил в возможность весьма облегченного получения райских благ. Таких людей, даже судя по Корану, в то время едва ли было чрезмерно много. К тому же факты убеждают, что вера в рай и ад у большинства арабов еще только выделялась из довольно смутных

¹ Абд ар-Рахман ибн Абд ал-Хакам. Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса. М., 1985, с. 323. Впрочем, этот хадис из обширного раздела «Асхабы посланника Аллаха... которые приехали в Египет и в передаче хадисов от которых люди сотрудничают, но которых они считают не вполне достойными доверия в отношении хадисов» (там же, с. 281—347).

представлений о посмертных блужданиях души человеческой.

Впрочем, мы еще вернемся к этому. Сейчас же продолжим ознакомление с тем, что сказано в Коране об атрибутах (сифат), свойствах Аллаха.

Не раз в Коране утверждается, что Аллах знает все, что есть на небе и на земле, все тайное и явное. «Поистине, от Аллаха не скрыто ничто на земле и на небе» (К., 3 : 4). «Аллах лучше знает несправедливых! У него — ключи тайного; знает их только он. Знает он, что на суше и на море; лист падает только с его ведома, и нет зерна во мраке земли, нет свежего и сухого, чего не было бы в книге ясной (в Коране.— Л. К.). И он — тот, который успокаивает вас ночью и знает, что вы добываете днем... Потом (после того, как завершился «назначенный срок» вашей земной жизни.— Л. К.) — к нему ваше возвращение, потом он (на страшном суде.— Л. К.) сообщит вам, что вы делали. Он — властвующий над своими рабами, и посылает он над вами хранителей («благородных писцов», записывающих добрые и злые дела и помыслы каждого: «Знают они, что вы делаете». 86 : 10—12.— Л. К.). А когда приходит к кому-нибудь из вас смерть, наши посланцы (наблюдая и ничего не упустив, завершив миссию невидимых лазутчиков — осведомителей.— Л. К.)... возвращены будут к Аллаху... О да, у него власть, и он — самый быстрый из производящих расчет!» (К., 6 : 58—62).

Таким образом, «всезнание», «всеведение» Аллаха не нейтрально: следя за каждым, он предпринимает и соответствующие меры воздействия — наказания или награды, обещает ничего не оставить без последствий. С помощью организованного им сыска, требующего огромного числа тайных ангелов-осведомителей, получив от них надлежащий отчет, Аллах намерен рассчитаться с каждым. «От него не утаится вес пылинки в небесах и на земле, и меньшее этого, и большее этого...» (К., 34 : 3). «Он совершенно знал вас и тогда, когда созидал вас из земли, и тогда, когда вы были зародышами в чревах матерей ваших» (53 : 33). «Мы, — говорит Аллах, — самый верный из счетоводцев» (21 : 48).

Зная жизнь каждого человека, каждой твари, Аллах, по Корану, знает и то, когда наступит «час» — последний, смертный час. «Поистине, у Аллаха ведение о часе;

он низводит дождь и знает, что в утробах, но не знает душа, что она приобретет завтра, и не знает душа, в какой земле умрет. Поистине, Аллах — ведущий, знающий!» (К., 31 : 34). «Аллах знает, что несет всякая самка, насколько сжимаются и насколько увеличиваются утробы. Ведь всякая вещь у него по мере» (К., 13 : 9). Людей, животных — всех знает Аллах, ничто не скроет их чувств и намерений от него. «Ужели, — когда укрывают они сердца свои, чтобы утаиться от него, — ужели — в то время, когда закутываются они своими одеждами — не знает он того, что скрывают они, как и того, что показывают? Он знает внутренность сердец» (11 : 5—7). Еще Адаму, первому человеку, сотворенному Аллахом, «он сказал: «Разве я вам не говорил, что знаю скрытое на небесах и на земле и знаю то, что вы обнаруживаете, и то, что скрываете?» (К., 2 : 31). «Поистине, Аллах знает скрытое на небесах и на земле! Аллах видит то, что вы делаете!» (К., 49 : 18). Аллах «знает, что входит в землю и что выходит из нее; что нисходит с неба и поднимается на него» (К., 34 : 2). «Разве ты не видишь, что Аллах знает то, что на небесах и что на земле? Не бывает тайной беседы трех, чтобы он не был четвертым, или пяти, чтобы он не был шестым; и меньше, чем это, и больше, без того, чтобы он не был с ними, где бы ни были они. Потом сообщит он им, что они делали, в день воскресения: ведь Аллах о всякой вещи знающ!» (К., 58 : 8). По словам Аллаха: «Мы создали человека и знаем, что внушает ему душа его: мы к нему ближе его шейной жилы» (50 : 15). Объемля всех и все «своим знанием» (65 : 12), Аллах определяет «решение» судьбы каждого (40 : 12). Он заранее знает их поступки, за которые в дальнейшем с них же спрашивает и наказывает. Эта божественная «логика» давно вызывала немало недоумений, что нашло отражение во многих произведениях деятелей науки и литературы стран распространения ислама. Еще в первой половине IX века именно эти недоумения получили выражение в упоминавшемся нами рационалистическом течении мутализитов, сторонники которого учили о свободе человеческой воли и отрицали догматы о предопределении и несотворенности Корана. И хотя это течение вскоре было разгромлено, но критика догм и учений ислама не утихла, что отразилось, в частности, в народном творчестве на разных

языках, например, на тех, на которых говорили и писали в Аббасидском халифате. Великий поэт и ученый Омар Хайям (ок. 1048— между 1123—1131) родом из Нишапура (Иран), в одном из приобретших большую популярность четверостиший (рубаи), обращаясь к Аллаху, писал:

Ты расставляешь западни на всех путях моих,
Гротишь убить, коль попадусь я вдруг в одну их них,
Ты сам ведь ставишь западни! А тех, кто в них попал,
Бунтовщиками ты зовешь и убиваешь их?

(Перевод В. Державина)

Как математику и астроному, труды которого составили эпоху в точных науках, Омару Хайяму особенно претила непоследовательность всевышнего. Да и кто такие люди, если все их действия и помыслы заранее известны ему, предопределены?

Кто мы? Куклы на нитках, а кукольник наш — небосвод.
Он в большом балагане своим представленье ведет.
Нас теперь на ковре бытия поиграть он заставит,
А потом в свой сундук одного за другим уберет.

(Перевод В. Державина)

Мутазилиты и те, что следовали за ними и высказывали вольнодумные взгляды, выступали и против антропоморфизма, проявлений которого немало в Коране. Действительно, у каждого, кто обращается к образу всевышнего в Коране, объемлющего «своим знанием все вещи» (6 : 80), невольно встает вопрос: а чем же он познает, при помощи чего он «всеведущ»? И вот оказывается, что он антропоморфен, у него те же органы чувств, что и у тех, кто трудился над собиранием и составлением Корана.

Аллах прежде всего обладает зрением и слухом, он «слышащий, видящий» (22 : 60; 31 : 27; 42 : 8; 58 : 1), «слушающий, видящий» (К., 40 : 21), «всеслышащий, всевидящий» (К., 17 : 1). Что же Аллах видит? «Аллах видит рабов!» (К., 40 : 47), он «видит своих рабов» (К., 3 : 19). Аллах не схож с богами родо-племенного общества, считавшимися с родственными отношениями, и в этом помогают ему органы чувств. Коран говорит тем, кто не уверовал в Аллаха: «Не помогут вам ни ваши родственники, ни ваши дети в день воскресения (страшного

суда.— Л. К.). Он разделит вас (отделит одних от других.— Л. К.): Аллах видит то, что вы делаете!» (К., 60 : 3).

Видя то, что делают люди, Аллах, по словам Корана, может помочь им или, напротив, помешать, наказать их. Так, к своему пророку Дауду Аллах благоволил: «Мы смягчили ему железо: «Делай спускающиеся вниз (укрывающие бойца брони, кольчуги.— Л. К.) и размеряй панцирь. Делайте благое, я ведь вижу то, что вы делаете!» (К., 34 : 10). Но, оказывая Дауду покровительство, Аллах подчеркивает, что ценит выражаемую ему благодарность, вспоминая и одобряя за это не только самого Дауда, но и его «род»: «Немногие из моих рабов благодарны!» (К., 34 : 12). И в познании этого обстоятельства Аллаху, по Корану, помогает зрение. Тому свидетель история пророков, суть которой сжато изложена в 5-й суре.

В этой суре Аллах говорит: «Мы взяли договор с сынов Израила и послали к ним пророков. Всякий раз, как приходил к ним посол с тем, что не любил их души,— одних они сочли лжецами, а других избивают. И они думали, что не будет напасти, и были слепы и глухи. Потом обратился к ним Аллах, потом (вновь.— Л. К.) были слепы и глухи многие из них; а Аллах видит то, что они делают!» (К., 5 : 74—75).

Знание, видение Аллахом того, что делается людьми на земле, важно, как оказывается, и для подведения своего рода социального баланса, сохранения, если прибегнуть к современной терминологии, классового мира. Ибо, согласно Корану, «если бы уширил Аллах удел своим рабам, они возмутились бы на земле, но он низводит (свои блага не щедро.— Л. К.) по мере, как пожелает: ведь он о своих рабах сведущий, видящий!» (К., 42 : 26).

О зрении и слухе Аллаха Коран напоминает и в чисто конфессиональных целях, с точки зрения ревностного соблюдения молитв — салата, намаза. Так, читаем: «И полагайся на славного, милосердного, который видит тебя, когда ты встаешь (на молитву.— Л. К.), и как обращаешься среди поклоняющихся. Ведь он — слышащий, знающий!» (К., 26 : 217—220). В 12-й суре Корана, где изложен арабский вариант известного сказания об Йусуфе, Аллах, услышав обращенные к нему слова юноши,

что «темница мне милее того, к чему меня призывают», дал ему силы противостоять соблазну прелюбодеяния. Он «отвратил от него их козни (попытки влюбившейся в Йусуфа жены его египетского хозяина, которому он был продан братьями, совратить его.— Л. К.). Поистине, он — слышащий, знающий!» (К., 12:33—34). Кстати, кораническая версия этого рассказа легла в основу сюжета многих художественных произведений о Йусуфе, созданных в последующие века классиками Востока (одно из них — поэма «Юсуф и Зулейха» до недавнего времени приписывалась гению персидской и мировой поэзии Фирдоуси (ок. 934—1030), другая одноименная поэма, написанная в 1409 году в городе Балхе на старом узбекском языке, принадлежит поэту Дурбеку).

Антропоморфные свойства Аллаха в Коране предстают и как доводы против козней шайтана, сатаны. Так, читаем: «А если постигает тебя от сатаны какое-нибудь наваждение, то ищи убежища у Аллаха: ведь он — слышащий, ведающий!» (К., 7:199). Слух бога — гарантия правильности его суда: «Аллах решает во истине, а те, которых они (многобожники.— Л. К.) призывают вместо него, не решают ничего. Поистине, Аллах — слушающий, видящий!» (К., 40:21).

Исключительное место среди свойств Аллаха отведено его слову, «речи господней». «Он — зиждитель небес и земли, и когда определит быть чему, только скажет тому: «Будь!»— и оно получает бытие» (2:111). Такова и история Земли и всей Вселенной: «Он тот, кто сотворил небеса и землю, истинно, в то время, когда он сказал: «Будь!» и они получили бытие» (6:72).

Еще анализируя терминологию Корана К. С. Кашталева отметила, что «религиозные свидетели понимаются Кораном прежде всего как очевидцы откровения, или данного непосредственно богом (пророку), или через пророка (верующим). Их слова рассматриваются как показания очевидцев и, следовательно, имеют всю силу свидетельского показания»¹. И в числе отличий некоторых из них — то, что с ними говорил Аллах. Об этом в Коране читаем: «Вот — посланники! Одним мы дали преимущество перед другими. Из них

¹ Кашталева К. О термине «шахида» в Коране.— Доклады Академии наук СССР, серия В. Л., 1927, с. 120.

были такие, с которыми говорил Аллах и вознес некоторых из них степенями» (К., 2:254). Так, Аллах говорил с Мусой, своим посланником. «И обещали мы (Аллах.— Л. К.) Мусе тридцать ночей и завершили их десятью. И свершился срок господа твоего в сорок ночей... И когда пришел Муса к назначенному нами сроку и беседовал с ним господь, он сказал: «Господи! Дай мне посмотреть на тебя». Он сказал: «Ты меня не увидишь, но посмотри на гору; если она удержится на своем месте, то ты меня увидишь». А когда открылся его господь горе, он обратил ее в прах, и пал Муса пораженным» (К., 7:138—139). Столь грозен был лик бога, о котором пишут как о нежнейшем и всемилостивейшем. В Коране же об этой беседе еще сказано, что «Аллах говорил с Мусой разговором» (К., 4:162), то есть, очевидно, так, как говорят между собой люди!

Разговор Аллаха со своим посланником происходил без свидетелей и рисуется в Коране как исключение. Были, однако, и недовольные этим. О них сказано: «Говорят те, которые не знают: «Если бы заговорил с нами Аллах или пришло бы к нам знамение!» Так говорили и те, которые были до них...» (К., 2:112). И Коран разъясняет: «С человеком Аллах говорит не иначе, как только чрез откровение, или из-за завесы; или посылает посланника и, по своему изволению, открывает ему, что хочет...» (42:50—51). О «разговоре» с Мусой здесь не упомянуто, но не потому, что это было «впоследствии», как следует из комментария к этому аяту¹. Ибо сура 42 считается в основном мекканской (3-го периода), а не данной до Мусы. А из обстоятельств разговора Аллаха с Мусой следует, что хотя он велся один на один, но не с глазу на глаз, а из-за укрытия, когда Аллах находился «позади завесы»!

Хотя письменность у арабов существовала уже давно, тем не менее большей объем их первой прозаической книги, составлявшейся как «слово Аллаха», не мог не изумлять их своими размерами, а также словоохотливостью всевышнего. Так, очевидно, в Коране появилось объяснение и этой его особенности. «Скажи: «Если бы море было чернилами для слов господа моего, то иссякло

¹ См.: Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского, с. 593.

бы море раньше, чем иссякли слова господ моего, даже если бы добавили еще подобное этому» (К., 18:109). То же образно передано и в 26-м аяте 31-й суры, где гиперболизация более внушительна: «Если бы все деревья, какие есть на земле, сделались бы письменными тростями, и после того это море (по-видимому, Красное.— Л. К.) обратилось бы в семь морей чернил: то и тогда (все.— Л. К.) слова божьи не переписаны будут».

Грозной, разрушительной силой обладает не только лицо Аллаха, сам его вид, но и его слово — Коран. Об этом в Коране же от имени Аллаха написано: «Если бы мы ниспослали этот Коран на какую-нибудь гору, то ты увидел бы, как она понизилась бы и распалась бы на части от страха божия» (59:21).

В спорах, которые в свое время вели мутазилиты, особенно часто упоминался 17-й аят 69-й суры, где сказано, как восемь ангелов, вместо обычных четырех, в день, когда «падет падающее, и небо расколется, и будет оно в тот день слабым... понесут трон господ твоего над ними...» (К., 69:15—17). И хотя, как мы знаем, в Коране есть аят, гласящий об Аллахе, как «свете небес и земли», проникающем повсюду, и еще в нем можно прочесть, что, «куда бы вы ни обратились, там лик Аллаха» (К., 2:109), но там же содержатся аяты, в которых бог предупреждает, что оказаться перед его лицом опасно не только человеку, но и горе. В нем же читаем, что необходимости «стояния перед» Аллахом или хотя бы нахождения около его «места» бояться (14:17; 79:40—41 и др.). Есть, впрочем, в Коране и аяты, где обещание увидеть «лик Аллаха» выдано за награду верующим за их добродетельные подношения и т. п., а их «стремления к лику господ» названы столь существенными, что должны быть «вознаграждены» (92:19—21). В таких местах Коран порой поднимается до освещения широких социальных мотивов.

Интересна с этой стороны сура 13, обычно относимая к последнему мекканскому периоду и частично к мединским «знамениям». Коран говорит о верующих, которые «выполняют завет Аллаха и не нарушают обещания... которые терпели, стремясь к лику своего господ, и выстаивали молитву, и давали из того, чем мы их наделили, и тайно и явно, и отгоняют добром зло. Для этих — воздаяние жилища — сады вечности. Войдут в них те,

кто был праведен из их отцов, и супруг, и их потомства. И ангелы входят к ним через все двери: «Мир вам за то, что вы терпели!» И прекрасно воздаяние жилища!» (К., 13:20—24).

Итак, тут стремящиеся увидеть лицо (ваджх) Аллаха, особенно те из них, кто терпел невзгоды, приглашаются в рай, где им обещается не только доброе жилище со многими дверями, но и сохранение семейных привязанностей, если родственники — их отцы, супруги, дети — также добрые мусульмане.

Эти мотивы, связанные с осуждением ростовщичества, взимания чрезмерного процента, лихвы, прибыли, есть и в других аятах. Так, читаем: «Давай же близкому его право, и бедняку, и путнику. Это — лучше для тех, которые желают лика Аллаха... То, что вы даете с прибылью, чтобы оно прибавлялось в имуществе людей, — не прибавится оно у Аллаха. А то, что вы даете из очищения (по-арабски «заката» — своего рода подоходного налога с мусульман.— Л. К.), желая лика Аллаха, — это те, которые удваивают» (К., 30:37—38) (свою посмертную «долю». — Л. К.).

Коран не раз упоминает о руке или руках Аллаха. Так, уже в суре 2 можно прочесть, что в его «руке — благо» и «милость» или «щедлость». В суре 48, где говорится о тех, кто присягает в верности мусульманской общине, их клятва изображается с помощью образа: «Рука Аллаха — над их руками» (К., 48:10). И в суре 5, считающейся последней мединской главой Корана, передающей весьма острые отношения руководства мусульманской общины с иудеями, вновь возникает образ рук Аллаха: «Чтобы их раввинам и книжникам удержать их от их греховных речей и пожирания ими незаконного... Дурно то, что они делают! И сказали иудеи: «Рука Аллаха привязана!» (в смысле «Аллах скуп». — Л. К.). У них руки связаны (по разъяснению И. Ю. Крачковского: это они «вяжутся на суд с привязанными к затылку руками». — Л. К.), и прокляты они за то, что говорили. Нет! Руки у него распростерты: расходует он, как желает... Мы бросили между ними вражду и ненависть до дня воскресения. Как только они зажгут огонь для войны, тушит его Аллах. И стремятся они по земле с нечестием, а Аллах не любит распространяющих нечестие!» (К., 5:68—69).

О руках Аллаха упоминает Коран и в рассказе о том, как он создал человека «своими руками» (38:75).

В числе не внешних, но внутренних антропоморфных черт, которыми Коран характеризует Аллаха, следует назвать хитрость.

«Хитрость во всей своей полноте у Аллаха», — читаем в Коране (13:42). Аллаха никто не перехитрил. Так, иудеи хитрили против Исы: «И хитрили они, и хитрил Аллах, а Аллах — лучший из хитрецов» (К., 3:47), и за ним остался верх. И вот мекканцы, не верящие посланнику Аллаха, «ухищряются против тебя... чтобы задержать тебя или умертвить, или изгнать. Они ухищряются, и ухищряется Аллах. А ведь Аллах — лучший из ухищряющихся!» (К., 8:30).

Один из секретов действенности хитрости Аллаха, по Корану, в том, что он имеет активных посланников, которым знакомы приемы сведущих лазутчиков, опережающие ухищрения врагов. «Скажи: «Аллах быстрее хитростью», — ведь наши посланники записывают ваши хитрости» (К., 10:22). И эти ухищрения порой крайне жестоки. Вот, например, краткий рассказ в суре 27 о самудянах и их пророке Салихе. Из них «было в городе девять человек, которые... распространяли нечестие... Они замышляли хитрость (против семьи присланного к ним пророка. — Л. К.), и мы замышляли хитрость, а они и не знали. Посмотри же, каков был конец их хитрости! Мы погубили их и их народ — всех. И вот — это дома их, разрушенные за то, что они были несправедливы» (К., 27:49, 51—53). Итак, девять замыслили зло, а тот, кто знал, погубил «их и их народ — всех». И погубил, судя по описанию Корана, с помощью разрушительного землетрясения. Это находит подтверждение и в других аятах о гибели самудян (см. 7:76, 41:12—16). Похоже, что и в соответствии с моралью того времени, когда записана эта легенда, она выглядела совсем не гуманно, чем и вызвана была «компромиссная» фраза: «И спасли мы тех, которые уверовали и были богобоязненными» (К., 27:54). Однако это «дополнение» лишь подчеркнуло жестокость «любвеобильного», тут же продиктовавшего: «Поистине, в этом — знамение для людей, которые знают!» (К., 27:53).

В одном из подобных рассказов некоторые исследователи хотят видеть отголосок сказания о Вавилонской

башне¹, но в Коране нет речи о «смешении языков». Это уже знакомая нам тема — «ухищрение на ухищрявшихся». Читаем: «Ухищрялись те, которые были до них, и Аллах погубил их здание от оснований. И упала на них сверху крыша, и постигло их наказание оттуда, откуда они и не знали» (К., 16:28). И назидание тут очевидное; чужие хитрости для Аллаха — ничто, ведь их ухищрения для него — «всезнающего» — известны, и он заранее осведомлен, как и когда с ними покончить!

Таков образ Аллаха в Коране. Это, с одной стороны, милостивый бог, с другой — суровый судья, жестоко карающий за малейшее ослушание непокорных. Он — властитель Земли и Вселенной и всех ее обитателей, требующий беспрекословного подчинения и преклонения перед ним, своего рода восточный деспот, в страхе и зависимости держащий свое «творение» — человека. Единственный, кто пытается ему прекословить, — это его первое создание — Иблис, дьявол ислама.

Внешние и внутренние свойства и черты Аллаха многообразны и порой противоречивы, хотя в большинстве своем антропоморфны. Их разнообразие порождало несхожие характеристики Аллаха даже у теологов ислама разных направлений и сект еще в первые века ислама, в период формирования его учения, представлений и обрядов, их идейного обоснования.

Вот отдельные из таких характеристик, собранные в известном труде мусульманского теолога XII века аш-Шахрастани «Книга о религиях и сектах» («Китаб аль-миладь ва-н-нихаль»).

Один из создателей мусульманского богословия, ранее близкий к мутазилитам, Абу-ль-Хасан Али аль-Аш'ари (873—935) добавил к рассмотренным выше качествам Аллаха еще следующее уточнение, считавшееся им наиболее существенным. Он говорил: «Если творец в действительности есть создатель всевышний, с которым никто не участвует в сотворении, то самым отличительным

¹ Так, Саблуков усматривал в этом аяте «намек на вавилонское столпотворение». — Коран, законодательная книга мухаммеданского вероучения. Перевод и приложения к переводу Саблукова Г. Казань, 1898, с. 45 (приложения). Крачковский ограничился более нейтральным примечанием: «Общий характер: Вавилонская башня». — Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского, с. 555.

качеством всевышнего является способность на изобретение»¹.

Как видим, добавление аль-Аш'ари, которому нельзя отказать в определенной пронизательности, также исходит из сравнения бога с человеком, то есть и оно антропоморфно.

Аль-Аш'ари излагал также взгляды богослова Дауда аль-Джавариби, имевшего более детальные представления об образе Аллаха. Так, аль-Джавариби «говорил, что его божество есть тело, плоть и кровь, у него есть органы и [члены] тела, как-то: рука, нога, голова, язык, два глаза, два уха. Вместе с тем это тело не похоже на [другие] тела, плоть не похожа ни на какую другую плоть, кровь не похожа ни на какую другую кровь. Так же [обстоит дело] со всеми божественными атрибутами. Он не похож ни на что из созданий, и ничто не похоже на него. Он полый с самого верха до груди, плотный в остальной части. Он изобильно черный, с вьющимися волосами»².

По основателю же каррамитского течения в исламе Мухаммеду ибн Карраму (ум. в 869 г.), «бог пребывает на троне и... в верхней части он является субстанцией, он называл это сущностью (*джаухар*). В своей книге, названной «Могильные наказания», он говорил, что бог — *единственный* [в своей] субстанции, *единственный* [в своей] сущности и что он касается верхней стороны трона. Он допускал [его] перемещение, превращение, сошествие. Одни из них (сторонников каррамитизма. — Л. К.) говорили, что он занимает некоторые части трона, другие говорили, что [весь] трон полон им... Большинство из них применяло к нему слово «тело» (джисм. — Л. К.). Приближающиеся из них (к суннитам) говорили: «Он является телом в том смысле, что существует в своей субстанции». И это, по их мнению, есть определение тела... У них [было] разногласие относительно понятия величия [Аллаха]. Одни из них говорили: «Его величие означает, что он, несмотря на свое единство, [пребывает] на всех частях трона. Трон [находится] под ним, а он — над всем тронном, так же как над частью его». Другие говорили: «Его величие озна-

¹ *Аш-Шахрастани*. Книга о религиях и сектах, с. 95.

² Там же, с. 100.

чает, что он, несмотря на свое единство, касается с одной стороны больше, чем кто-либо, он касается всех частей трона, он — всевышний, великий»¹.

Знакомясь с этими краткими выписками, современный читатель может хотя бы в небольшой мере почувствовать, что представляют собой средневековые религиозно-философские схоластические рассуждения, занимающие порой объемистые фолианты. Вместе с тем и в таких на первый взгляд лишенных всякого рационального зерна мудрствованиях порой ощущается неудовлетворенность тем, что люди средневековья находили в «правоверных» сочинениях и проповедях, в том числе в «слове Аллаха» — Коране. Нельзя не учитывать также, что в таких произведениях иногда содержатся элементы, которые могут помочь правильному пониманию и преодолению пережитков, кое-где существующих и в настоящее время.

Так, упомянутые «могильные наказания» — пережиток, который сохранился как у мусульман-суннитов, так и у шиитов. Он связан с верой в двух ангелов — опрашивателей и истязателей, которые являются к погребенному мусульманину. Для того чтобы помочь опрашиваемому, на кладбище, после ухода провожавших, у свежей могилы остается мулла, подсказывающий усопшему, что тому отвечать этим ангелам — Мункиру и Накиру. В нашей стране реформистские представители духовенства не раз осуждали этот обычай. В одном из их решений, принятом в 1925 году, записано: «Признать доводы старого духовенства о загробной жизни, существовании ангельских душ, судов в могиле над умершим мусульманином, оживлении умершего в гробу (в могиле, саване. — Л. К.) после похорон и чтение молитв ни на чем не обоснованными...»² Однако записать подобное, как показывает практика, бывает значительно проще, чем провести в жизнь. Во всяком случае, с IX века, когда родился этот обычай (хотя он не описан в Коране и нет там имен Мункира и Накира), ему в ряде мест следуют и до наших дней. А о Мункире и Накире не раз писалось и в богословской литературе, например, в популярной кни-

¹ *Аш-Шахрастани*. Книга о религиях и сектах, с. 103, 104.

² Дискуссионный съезд мусульманского духовенства и верующих в Адыгейско-Черкесской автономной области. Б. м., 1925, с. 27.

ге «Сорок вопросов» («Кырк сюаль») мевляны Фурати, жившего, как предполагают, в XVII веке. Вопрос тринадцатый в этой книге, обосновывающий благость названного обычая, начинается с обращения к пророку Мухаммеду: «Скажи о Мункире и Накире, какая цель их существования?»— и затем дается подробный ответ на него. Здесь же, в ответе на четвертый вопрос, пророк Мухаммед говорит и о «троне» Аллаха. Он якобы создан «из света. Величина трона такова, что пред ним семь небес и семь земель составляют как бы одну доску, или скатерть, а величина свода небесного такова, что трон божий в нем занимает такое же место, какое заняла бы одна полоска нивы в пустыне Сахаре»¹.

Едва ли необходимы другие примеры, тем более, что фантазия представителей самых различных направлений и сект сдерживалась опытом предшественников и тем, что не согласных с догмами, считавшимися при том или ином правителе, скажем Аббасидском халифе, правоверными и ортодоксальными, жестоко наказывали. Известен случай, описанный историком ат-Табари, когда при обмене пленниками с Византией в 845 году халифские представители принимали обратно лишь тех мусульман, которые соглашались признать мутазилитскую доктрину о сотворенности Корана и о том, что Аллаха в будущей жизни нельзя видеть. Не соглашавшихся оставляли в плену у византийцев, неверных. Между тем отражение вражды к византийцам также содержится в Коране; есть основания полагать, что именно об этом говорит аят, обещающий, что на страшный суд грешники будут собраны «голубоглазыми» (20:102).

О том, что религиозный фанатизм порождает вражду между людьми, читаем и у аш-Шахрастани: «Кто крайне усердно, слепо пристрастен к своему учению, тот обвиняет в неверии и заблуждении своего противника, а кто терпим, дружелюбен, тот не обвинит в неверии»². Все это не потеряло своего значения в наши дни.

¹ «Кырк сюаль» издавалась в Константинополе в 1840 и 1848 гг., в Вене в 1851 г., в Казани в 1887 г. Русский перевод приложен к книге А. Архангельского «Мухаммеданская космогония» (Казань, 1889).

² *Аш-Шахрастани. Книга о религиях и сектах*, с. 177—178.